

Овчинникова А. П.

Национальный университет «Одесская юридическая академия», профессор кафедры теории государства и права, доктор искусствоведения, профессор

КНИГА СРЕДИ ДРУГИХ СРЕДСТВ КОММУНИКАЦИИ

Существует ли связь между тем, что европейцы все меньше читают и нравственным кризисом? Книгу, которую прежде читала в очередь вся семья, а затем обсуждала, теперь заменило электронное устройство. Как это скажется на интеллектуальном развитии и на общем состоянии нравственности, никто толком не знает, но Европейский Фонд культуры выражает беспокойство. Он запускает различные программы, посвященные активизации интереса к чтению. Все исходит из того, что книга способствует становлению личности. Считается недостатком для нравственного облика молодых европейцев то, что они не проявляют интереса к Тому Сойеру и Гекльберри Финну. При этом подсказывают: любовь к чтению начинается дома, и особенно важно, чтобы родители читали детям вслух – даже тогда, когда ребенок уже читать умеет.

Но что значит «читать»? На память приходят древнегреческая традиция чтения, чтение Библии у протестантов, католиков, православных; «дикое» чтение вне всяких традиций и эрудированное чтение, индивидуальное чтение, «чтение вслух», «чтение про себя» и т. д.

После глиняных таблиц когда-то возникла ситуация чтения книги-свитка. Представляется читатель наедине со свитком, он же перед слушателями, оратор, разматывающий лежащий перед его глазами текст, человек, возлежащий за трапезой и читающий свиток. Но появление в I в. *кодекса* (лат. *codex* – книга), книг-тетрадей со страницами, изменило образ чтения. Именно кодекс стал не только причиной возникновения новой модели чтения, но и новой организации мышления и работы с информацией. Кроме известных преимуществ – дешевизна, экономичность (лист заполнялся с двух сторон), кодекс сделал процесс чтения более комфортным – у тещи освободилась рука: не надо было держать концы свитка. Освободившаяся рука позволяла читать и писать одновременно, делать пометки, листать книгу, быстро находить необходимую цитату. Хотя замена кодекса на компьютерный дисплей более радикальна, чем замена свитка кодексом, тем не менее, можно увидеть и корни, и тенденции как новых способов письма (творчество М. Павича), так и новых практик чтения.

Анализ чтения во всех его модификациях в различные эпохи (от Античности до наших дней) позволяет выявить причины возникновения чтения вслух и чтения про себя. Изначально в тексте не заложен какой-то один вариант его прочтения, текст дается без учета разницы между смыслом, который заложил в него автор, и тем смыслом, который придаст ему читатель. В значительной мере вложенный смысл читателя обнаруживается в чтении вслух.

Существовали различные приемы чтения. Первые свидетельства о чтении про себя можно найти в конце V в. до н. э. (Еврипид, Аристофан), они касались не чтения книг, а чтения посланий и пророчеств оракула, написанных на воцеленных дощечках. Но

параллельно, начиная с античных времен и до XVI – XVII вв. чтение многих текстов подразумевало их вокализацию, и их «читатели» были слушателями голоса чтеца. Текст, предназначенный для слуха, подчинял письменную речь требованиям, свойственным «параметрам» устной речи. Целью чтения вслух было дать возможность читателю понять смысл текста, написанного *непрерывным* письмом, письмом без промежутков между словами, который оставался мертвым и невразумительным, если только не прочитан вслух.

А что происходит к концу XX века? В 1988 году, в Станфорде, в престижном калифорнийском университете, прозвучал студенческий протест против навязывания «канонов» для чтения, сконцентрированного на европейской классической культуре от Гомера до Гете. Студенты требовали, чтобы «канон» был лишен европоцентризма и стал более «американским». Чтобы в него были не только включены африканские и южноамериканские авторы, но и менялись способы произнесения, интонационный строй речи.

Кризис читательской культуры происходит не впервые. В истории Европы подобное происходило, по крайней мере, дважды. В первый раз – в III–IV вв. Тогда христианская культура была противопоставлена языческой и вытесняла своим «канонам» греческих и латинских авторов. Во второй – в период между XIV и XVI вв., когда итальянские гуманисты выступили против «канона», представлявшего схоластическую культуру, и предложили заменить его другим «перечнем», который включал, в первую очередь, *отобранные* произведения классических авторов – греческих и латинских. В обоих случаях отказ не был полным. Христиане не отказались от Вергилия, а гуманисты – от трудов отцов Церкви. Неоспоримым является тот факт, что смена «канона» сопровождается появлением новых способов производства письма, новых образцов книг, новых способов чтения. Аналогичным образом, в изменениях, которые происходят на наших глазах, уже есть некоторые признаки смены принятых моделей – как в области выпуска издательской продукции, так и в сфере ее использования.

Сегодня уже невозможно не заметить разницы между чтением образовательным и чтением потребительского характера. Видны целевые различия: читать, чтобы чему-то научиться, быть образованным человеком, с одной стороны, и читать, чтобы «убить время», развлечься. По объему читают все меньше и меньше книг, не так уж много периодики, газет, журналов (которые не столько читают, сколько рассматривают), но все больше текстов и гипертекстов в новостной строке и различных блогах. От чтения стали ожидать видеоряда – наподобие комиксов, с которыми расстанутся без сожаления. Чтение сегодня перестало быть главным инструментом приобщения к культуре, его роль подорвана телевидением и компьютером. Дистанционное управление телевизором позволяет телезрителю мгновенно переключать каналы, такой просмотр как бы позволяет создавать собственные телеспектакли. Это – новый инструмент потребления и «аудиовизуального» творчества. Он являет прямую противоположность традиционному чтению, для которого характерны линейность и последовательность. Прежняя культура чтения умирает. Это просматривается и во внешних проявлениях: от прикованных к

кафедре цепями книг Средневековья – к небольшим книжечкам карманного формата, и от слушания чтеца – к самостоятельному овладению навыком чтения.

Такова «стрела» эволюции. И таков «диагноз» – ведь многими всё это рассматривается как болезнь культуры. Надо ли лечить и как лечить эту болезнь? Ответ зависит от того, какие цели определяет для себя наша культура.

Кравченко С. П.

*Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
декан факультета заочного и вечернего обучения, кандидат юридических наук, доцент*

СТРУКТУРА И СВОЙСТВА ПРАВОВОГО ПОНЯТИЯ

Использование языковых средств в осмыслении проблем современной юриспруденции предполагает обращение к многоплановым вопросам образования (синтаксиса), построения (семантика) и использования (прагматика) правовых понятий. Несомненно, понятия, используемые той или иной наукой, образуют ее смысловое и знаковое поле, а в рамках отдельных теорий, функционирующих в этой науке, приобретают статус терминов. При этом, если опираться на восприятие понятия как «явление, выраженное в языке», то становится очевидно, что проблема лингвистического осмысления юриспруденции в контексте построения ее понятийного аппарата неразрывно связана с выявлением структурных особенностей используемых в языке юристов понятий и терминов.

Что же представляет собой правовое понятие в самом общем виде? Для правовой науки справедливым является утверждение, что понятие всегда является отчасти идеализацией выражаемого правового явления. При этом наиболее элементарные понятия существуют в форме факта – предположения, описывающего эмпирическое наблюдение. Из отдельных фактов правовой жизни, описывающих множество схожих явлений, возможно выделение наиболее существенных свойств явлений, которые, в конце концов, выступают компонентами понятия.

Однако не все понятия возможно построить эмпирическим путем, поскольку далеко не все явления правовой жизни могут быть восприняты чувственно. В современной юриспруденции существует множество понятий, формирующихся рациональным путем: на основе рассуждений о феноменах (в Гуссерлевском их понимании). К таким понятиям относятся правосознание, правопонимание, правовая норма, правовые отношения и т. д.

Однако образование понятия, независимо от того, эмпирическим или рациональным путем оно происходило, мало влияет на его структуру. С одной стороны, понятия стремятся быть приближенными к фактам, с другой – всегда нагружены рациональными, дедуктивными выводами. Факты не существуют отдельно от теорий. Один и тот же факт в разных правовых теориях – разные факты. Это отчетливо прослеживается при рассмотрении понятия «правовая норма», которое едино для всей право-